

Хозяйка / новелла

Category: Некаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Хозяйка / новелла ХОЗЯЙКА

Доктору Барадюк

– Я жил тогда, – начал Жорж Кервелен, – в меблированных комнатах на улице Святых отцов.

Когда родители решили отправить меня в Париж изучать право, началось долгое обсуждение всяких подробностей. Цифра моего годового содержания была определена в две тысячи пятьсот франков, но бедную матушку охватило одно опасение, которое она и поведала отцу:

– Если он вдруг станет тратить все свои деньги на пустяки и будет плохо питаться, может пострадать его здоровье. Молодые люди на все ведь способны.

Тогда решили подыскать для меня семейный пансион, скромный и удобный пансион, с тем чтобы плату вносили за меня ежемесячно сами родители.

Я еще ни разу не выезжал из Кемпера. Я жаждал всего, чего жаждут в моем возрасте, и стремился пожить полностью в свое удовольствие.

Соседи, к которым обратились за советом, порекомендовали одну нашу землячку, г-жу Кергаран, сдававшую комнаты со столом.

Отец списался с этой почтенной особой, и однажды вечером я прибыл к ней со своим чемоданом.

Г-же Кергаран было лет сорок. Эта полная, чрезвычайно полная дама говорила зычным голосом капитана, обучающего рекрутов, и решала все вопросы кратко и бесповоротно. Ее узкое-преузкое помещение с одним-единственным окном на улицу в каждом этаже казалось какою-то лестницей из окон или, лучше сказать, ломтиком дома, стиснутого, наподобие сэндвича, между двумя соседними домами.

Во втором этаже помещалась сама хозяйка со своей служанкой; в третьем – готовили и ели; в четвертом и пятом – жили четыре

пансионера-бретонца. Мне отвели обе комнаты шестого этажа. Темная лесенка, закрученная штопором, вела в мою мансарду. И целый день без передышки г-жа Кергаран поднималась и спускалась по этой спирали, командуя в своем жилище-ящике, как капитан на борту корабля. По десяти раз подряд она заходила в каждую комнату, надзирала за всем, громогласно отдавала распоряжения, осматривала, хорошо ли постланы постели, хорошо ли вычищено платье, нет ли упущений в уходе за жильцами. Словом, она заботилась о своих пансионерах, как мать, больше, чем мать.

Я скоро свел знакомство с моими четырьмя земляками. Двое из них изучали медицину, а двое других – право. Но все они одинаково покорно терпели деспотическое иго хозяйки. Они боялись ее, как воришка боится сторожа.

Меня же сразу обуяло стремление к независимости, ибо я бунтарь по натуре. Прежде всего я заявил, что намерен возвращаться домой, когда мне заблагорассудится, – потому что г-жа Кергаран установила для нас предельным сроком двенадцать часов ночи. Услышав такую претензию, она уставилась на меня своими светлыми глазами и затем ответила:

– Это невозможно. Я не допущу, чтобы Аннету будили всю ночь. Да и вам нечего где-то пропадать после положенного часа.

Я ответил настойчиво:

– По закону, сударыня, вы обязаны отпирать мне в любой час. Если вы откажетесь отпереть, я удостоверю данный факт при содействии полиции и отправлюсь ночевать в гостиницу за ваш счет. Это – мое право. Вы, следовательно, принуждены будете или отворять мне, или отказать от квартиры. Либо отворяйте, либо мы с вами распрощаемся. Выбирайте.

Я в глаза смеялся над нею, выставляя это требование. Оправившись от изумления, она пожелала вступить в переговоры, но я проявил неуступчивость, и она сдалась. Мы решили, что у меня будет свой ключ, но при обязательном условии, чтобы об этом никто не знал.

Мое упорство оказало на хозяйку спасительное действие, и с той поры она выказывала мне явную благосклонность. Она стала особенно заботлива ко мне, предупредительна, любезна и даже

проявляла некоторую грубоватую нежность, которая отнюдь не была для меня неприятна. Иногда, в веселую минуту, я неожиданно целовал ее, исключительно затем, чтобы она немедленно отвесила мне здоровенную пощечину. Если я успевал вовремя наклонить голову, рука ее пролетала надо мной с быстротой пули, и я хохотал, как сумасшедший, спасаясь бегством, меж тем как она кричала мне вслед:

– Ах, каналья, я вам это припомню!

Мы стали с нею настоящими друзьями.

Но вот я познакомился на улице с молоденькой продавщицей из магазина.

Вы знаете, что такое эти парижские любовные интрижки. В один прекрасный день по дороге в университет вы встречаете юную особу без шляпы, которая прогуливается под руку с подругой перед началом работы. Вы обмениваетесь с ней взглядом и вдруг ощущаете как бы легкий толчок, какой испытываешь иной раз от взгляда женщины. Одна из прелестей жизни – в этой внезапной физической симпатии, расцветающей при случайной встрече, в этом тонком, изящном соблазне, которому сразу поддаешься, соприкоснувшись с существом, созданным для того, чтобы нравиться нам и быть нами любимым. И будет ли оно горячо любимо или не очень, – не все ли равно? В его природе есть что-то, отвечающее тайной жажде любви, заложенной в природе вашего существа. С первого же раза, заметив это лицо, этот рот, волосы, улыбку, вы чувствуете, как обаяние их проникает в вас сладкой и восхитительной радостью, вы чувствуете, что вас наполняет какое-то блаженство, что в вас внезапно пробуждается к этой незнакомой женщине некая, еще смутная нежность. Так и чудится в ней какой-то призыв, на который вы откликаетесь, что-то притягивающее, что манит вас к себе; так и чудится, что вы уже давным-давно знакомы с ней, уже видели ее когда-то и знаете, о чем она думает.

На следующий день в тот же час вы проходите по той же улице. Опять встречаете ее. Возвращаетесь сюда на другой день и еще на следующий. Наконец завязывается разговор. И любовная интрига следует своим чередом, закономерным, как болезнь.

Итак, к концу третьей недели мы с Эммой находились в том периоде, который предшествует падению. Падение совершилось бы даже и раньше, если бы я только знал, где устроить свидание. Подруга моя жила у родителей и с непреклонным упорством отказывалась переступить порог меблированных комнат. Я ломал себе голову, стараясь придумать средство, уловку, удобный случай. Наконец я встал на путь отчаянных мер и решил привести ее вечером, часов в одиннадцать, к себе на квартиру под предлогом выпить чашку чая. Г-жа Кергаран всегда ложилась в десять. Следовательно, с помощью моего ключа я мог войти бесшумно, не привлекая ничьего внимания. Спустя час – другой мы таким же образом могли бы выйти.

Эмма приняла мое предложение, хотя и заставила себя упрашивать.

День у меня прошел томительно. Я все беспокоился. Я боялся осложнений, катастрофы, какого-нибудь невероятного скандала. Наступил вечер. Я вышел из дома и, зайдя в ресторан, выпил залпом две чашки кофе и рюмок пять вина, чтобы придать себе храбрости. Потом пошел прогуляться по бульвару Сен-Мишель. Я услышал, как пробило десять часов, затем половина одиннадцатого. Тогда я направился медленным шагом к месту свидания. Она уже ждала меня. Она нежно взяла меня под руку, и вот мы двинулись потихоньку к моей квартире. По мере того как мы приближались к дверям, тревога моя все возрастала. Я думал: «Только бы госпожа Кергаран уже улеглась!»

Раза два-три я повторял Эмме:

– Главное, не шумите на лестнице.

Она рассмеялась:

– Вы, значит, очень боитесь, как бы вас не услышали?

– Нет, просто мне не хочется разбудить своего соседа, он тяжело болен.

Вот и улица Святых отцов. Я приближался к своему жилищу с тем страхом, какой испытываешь, отправляясь к дантисту. Во всех окнах темно. Должно быть, спят. Я перевожу дух. С воровскими предосторожностями открываю дверь. Впускаю свою спутницу, потом запираю за ней и на цыпочках, затаив дыхание, поднимаюсь по лестнице, зажигаю одну за другой восковые спички, чтобы

девушка как-нибудь не споткнулась.

Проходя мимо спальни хозяйки, я чувствую, что сердце мое учащенно бьется. Наконец-то мы на третьем этаже, затем на четвертом, затем на пятом. Я захожу к себе. Победа!

Однако я не осмеливался говорить громко и снял ботинки, чтобы не делать никакого шума. Чай, приготовленный на спиртовке, выпит на уголке комода. Потом я становлюсь настойчивым... все более настойчивым... и мало-помалу, как в игре, начинаю снимать одну за другой все одежды моей подруги, которая уступает, сопротивляясь, краснея, смущаясь, всячески стремясь отдалить роковой и восхитительный миг.

И вот на ней оставалась уже только коротенькая белая юбочка, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась г-жа Кергаран со свечой в руке и совершенно в таком же костюме, как моя гостья.

Я отскочил от Эммы и замер в испуге, глядя на обеих женщин, которые в упор смотрели друг на друга. Что-то будет?

Хозяйка произнесла высокомерным тоном, которого я за нею еще не знал:

– Я не потерплю девок в своем доме, господин Кервелен.

Я пролепетал:

– Что вы, госпожа Кергаран. Мадмуазель – только моя знакомая. Она зашла выпить чашку чая.

Толстуха продолжала:

– Чтобы выпить чашку чая, люди не раздеваются до рубашки. Извольте сейчас же удалить эту особу.

Ошеломленная Эмма принялась плакать, закрывая лицо юбкой. Я же совсем потерял голову, не зная, что делать, что сказать. Хозяйка добавила с неотразимой властью:

– Помогите мадмуазель одеться и сейчас же выпроводите ее.

Конечно, ничего другого мне и не оставалось делать, и, подобрав платье, лежавшее кружком на паркете, как лопнувший воздушный шар, я накинул его через голову на девушку и с бесконечными усилиями пытался его застегнуть и оправить. Она помогала мне, не переставая плакать, обезумев, торопясь, путаясь во всем, позабыв, где у нее шнурки, где петли, а г-жа Кергаран, бесстрастно стоя со свечой в руке, светила нам в

суровой позе блюстителя правосудия.

Движения Эммы стали вдруг стремительными; охваченная непреодолимой потребностью бегства, она одевалась как попало, с бешенством все на себе запахивала, завязывала, закалывала, зашнуровывала и, даже не застегнув ботинок, промчалась мимо хозяйки и бросилась на лестницу. Я следовал за ней в ночных туфлях, тоже полуодетый, и твердил:

– Мадмуазель, мадмуазель...

Я чувствовал, что нужно ей что-нибудь сказать, но ничего не мог придумать. Я нагнал ее только у самого выхода и хотел было взять ее за руку, но она яростно оттолкнула меня и прошептала плачущим голосом:

– Оставьте меня... оставьте меня... не прикасайтесь ко мне...

И выбежала на улицу, захлопнув за собой дверь.

Я повернулся. На площадке второго этажа стояла г-жа Кергаран, и я стал медленно подниматься по ступенькам, ожидая всего, готовый ко всему.

Дверь в спальню хозяйки была открыта. Она пригласила меня войти, произнеся суровым тоном:

– Мне надо с вами поговорить, господин Кервелен.

Я прошел мимо нее в комнату, понутив голову. Она поставила свечу на камин и скрестила руки на могучей груди, плохо прикрытой тонкой белой кофтой.

– Ах, вот как, господин Кервелен! Вы, значит, принимаете мой дом за дом терпимости!

Гордиться мне было нечем. Я пробормотал:

– Да нет же, госпожа Кергаран. Ну зачем вы сердитесь? Ведь вы хорошо знаете, что такое молодой человек.

Она ответила:

– Я знаю, что не хочу видеть этих тварей в своем доме. Вы слышите? Я знаю, что заставлю уважать мой кров и репутацию моего дома. Вы слышите? Я знаю...

Она говорила по меньшей мере минут двадцать, нагромождая друг на друга доводы логики и справедливого негодования, подавляя меня достопочтенностью «своего дома», шпигуя язвительными упреками.

А я – мужчина действительно животное! – вместо того, чтобы слушать, смотрел на нее. Я не слышал больше ни слова, да, ни единого слова. У нее была великолепная грудь, у этой разбойницы, – упругая, белая и пышная, пожалуй, немного жирная, но до того соблазнительная, что мурашки по спине пробегали. Право же, я никогда и подумать не мог, что под шерстяным платьем моей хозяйки скрывается что-нибудь подобное. В ночном костюме она казалась помолодевшей лет на десять. И вот я почувствовал себя необычайно странно... необычайно... как бы это сказать?... необычайно взволнованным. И перед нею я вдруг опять оказался в положении... прерванном четверть часа тому назад в моей комнате.

А там, за нею, в алькове, я видел ее кровать. Она была полуоткрыта, и глубокая впадина на примятых простынях свидетельствовала о тяжести тела, недавно лежавшего на них. И я подумал, что в этой постели должно быть очень хорошо и очень тепло, теплее, чем во всякой другой. Почему теплее? Не знаю почему, – вероятно, по причине того, что уж очень обильные тела почивали в ней.

Что может быть более волнующего и более очаровательного, чем смятая постель? Та, что была передо мной, опьяняла меня издали, вызвала в моем теле нервную дрожь.

А г-жа Кергаран все говорила, но теперь уже спокойно, как строгий, но доброжелательный друг, который вот-вот готов простить тебя.

Я пробормотал:

– Послушайте... послушайте... госпожа Кергаран... послушайте...

И когда она умолкла, ожидая ответа, я обхватил ее обеими руками и принялся целовать, но как целовать! Как голодный, как истомившийся.

Она отбивалась, отворачивала голову, но не очень сердясь и машинально повторяя свое привычное:

– Ах, каналья... каналья... ка...

Она не успела договорить это слово; я подхватил ее и понес, прижимая к себе. Чертовски сильным бываешь, знаете, в некоторые моменты!

Я натолкнулся на край кровати и упал на нее, не выпуская своей

ноши...

В этой постели действительно было очень хорошо и очень тепло. Через час свеча погасла, и хозяйка встала, чтобы зажечь другую. Ложась на прежнее место рядом со мною, просовывая под одеяло округлую полную ногу, она произнесла голосом, в котором звучала ласка, удовлетворенность, а быть может, и признательность:

– Ах, каналья... каналья!..

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 1 апреля 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод Н. Немчиновой. Neкаýalar